

Лион Кастель

16+

Песчинки прошлого

Лион Кастель

Песчинки прошлого

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кастель Л.

Песчинки прошлого / Л. Кастель — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99700-4

Молодой мужчина попадает в сложную жизненную ситуацию. Он абсолютно ничего не помнит из прошлого. Что это воздействие спецслужб или инопланетяне? Любовь лечащего врача постепенно возвращает ему память через сны. Главный герой уже не хочет ничего вспоминать, но песочные часы уже перевернулись и "песчинки прошлого" стали заполнять свободное пространство...

ISBN 978-5-532-99700-4

© Кастель Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Ольховка	5
Глава 2. Обряд	7
Глава 3. Сон	10
Глава 4. Одиночество	15
Глава 5. Иванова	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лион Кастель

Песчинки прошлого

Глава 1. Ольховка

Ранним летним солнечным утром на небольшой пустынной станции «Ольховка» с электрички сошёл небритый мужчина. На нём находились вещи, которые давно нуждались в стирке. Он не был пьян, но его передвижение было неуверенным, а в глазах читалась детская растерянность. Он шёл, волоча ноги мимо бетонного забора в сторону единственного человека на этой станции.

В оранжевой жилетке и в повязанном на голове платке, баба Люба орудовала метлой, издавая свистящий звук, гулко разносящийся по пустынной станции. Баба Люба старательно выметала весь мусор из щелей бетонных плит, озираясь на мужчину и думая, к кому же приехал этот странный гость в их посёлок, и пьян он или болен?

Поравнявшись с бабкой, мужчина прошептал.

– Кто я? Скажите мне, пожалуйста, кто я?

– Что милый не похмелился что – ли? – сказала бабка, подперев метлу. – Друганы – то твой в городе, небось, уже работают, а ты-то чё к нам припёрся?

– Кто я, кто я? – закричал мужчина и, в рыданиях свалился на колени.

Он обхватил голову руками, сотрясаясь всем телом. Из кармана его куртки выпала тугая пачка долларов.

– Кто я? Кто я, пожалуйста, – стонал мужчина.

– Чумной! – бабка выронила метлу. – А денех – то! Ой, побегу Вовку будить, – баба Люба, перекрещиваясь, направилась в сторону посёлка.

Когда на платформу заехал старенький мотоцикл «Урал» сине-жёлтого цвета, мужчина сидел на бетоне, подперев спиной забор, как тряпичная кукла. Его отсутствующий взгляд был устремлён в небо, по щекам скатывались слёзы, а руки автоматически вертели в руках пачку денег.

Повернув ключ зажигания, из-за руля вылез полицейский Вова. Его форма выглядела неряшливо, а красный цвет глаз и лица, и угрюмая гримаса – напоминали о вчерашней пятнице. Вслед за ним, кряхтя и шатаая весь мотоцикл, из коляски вылезла баба Люба.

– Он? – спросил Вова.

Бабка кивнула, поправляя сбившийся платок.

– Эй, пассажир, – Вова направился в его сторону. – Ты откуда прибыл?

Тот в ответ пожал плечами и, опустив глаза, продолжил вертеть в руках пачку денег.

– Документы покажи.

Мужчина поднял глаза и произнёс.

– Скажите мне, пожалуйста, кто я?

Полицейский присел на корточки и стал рассматривать голову мужчины.

– Вроде не битый. Бухал что ли? – взгляд Вовы застыл на долларах.

– Кто я, кто я? – закричал мужчина и опять зарыдал, только уже сухо – без слёз.

Баба Люба еще раз перекрестилась.

– Не ори, придурок! Поехали, – полицейский забрал из рук мужчины пачку денег и бросил взгляд на бабку. – Фальшивка! – Вова сунул деньги в карман и, брезгливо, стал поднимать мужчину за шкуру. – Он точно один сошёл?

– Точно, Вова, точно, – бабка стала креститься. – Вот тебе крест!

– И ни сумки, ни пакета, какого?

– Может, в электричке чё и было, но сошёл так, – бабка повела рукой в сторону мужчины и снова перекрестилась.

– Залезай, пассажир, – произнёс Вова, откидывая тент люльки.

Глава 2. Обряд

Мужчина в наручниках сидел за столом напротив Вовы в небольшой комнате частного дома. Эта комната служила отделением полиции в посёлке, и по внешнему виду было понятно, что здесь редко кто-либо прибирался. Зарешённые грязные окна прикрывали дряхлеющие шторы. Рядом стоял самодельный несгораемый шкаф с облупившимся от заляпанной зелёной краски фронтом. У противоположной стены находился «обезьянник», но его размеры больше походили на клетку для перевозки животных. В центре комнаты стоял старый письменный стол, за которым сидел краснолицый командир, а перед ним лежала бумага «Протокол».

– Хватит дурака валять. Говори кто, откуда? Имя, фамилия.

– Не знаю ничего, – ответил мужчина. – Пустота сплошная.

– Так и запишем, неизвестный, – шариковая ручка забегала по бумаге, оставляя каракули на листе с жирными пятнами. – Не помнит кто-о такой и откуда прибыл, – растянул Вова дописывая.

– Пустота говоришь. Хе! Вот посидишь у меня здесь с недельку, – он указал рукой на клетку, в которой едва ли смогли поместиться два человека. – С крысами, тараканами пообщаешься. Вот тогда точно пустота будет. Сразу всё вспомнишь. Говори, сука, где деньги спёр?

– Что?

– Деньги?

Полицейский потряс кипой купюр перед лицом мужчины и стал стягивать резинку, которая со всех сторон фиксировала пачку.

– Я не знаю, что это, – произнёс мужчина.

– Ага, я не я и жопа не моя, – произнёс полицейский. – А визитка чья, откуда? – Вова стал вертеть в руках визитную карточку чёрного цвета, на которой виднелась позолоченная надпись.

– «Ритуальное агентство Обряд», – прочитал полицейский вслух. – Ты там работал что ли?! Или так на будущее припас, ха-ха.

Мужчина замотал опущенной головой и произнёс.

– Я не знаю ничего.

После взмахов ручкой, Вова стал с усмешкой пересчитывать купюры.

– Мне сухо, – мужчина поднёс сцепленные наручниками кисти к горлу. – Можно попить.

Вова кивнул и продолжил, шевеля губами, перебирать купюры. Через несколько секунд он закончил и поднял довольные глаза на мужчину.

– Водки хочешь?! – улыбнулся он.

– Я пить хочу.

Полицейский, под скрип дверцы пошатывающегося сейфа, достал из недр бутылку водки.

– На, держи! Можешь прямо из горла, – он вставил бутылку между скованных рук и свинтил крышку. – Пей на здоровье.

Мужчина опрокинул бутылку но, сделав пару жадных глотков, выплюнул жидкость на пол и стал кашлять.

– Тьфу! Как так, – Вова покраснел и забрал бутылку обратно. – Что ж ты ирод делаешь, паскуда!

Вова обтёр рукой горлышко и сам запрокинул бутылку, после чего благодушно вздохнул и вылез из-за стола.

– Залезай.

Мужчина прокашлялся и, согнувшись, стал влезать в узкую дверь «обезьянника». Вова закрыл его, затем поставил в клетку бутылку водки и бросил яблоко.

– Вон тазик видишь? Смотри, только нагадь мне мимо, – пригрозил он пухлым пальцем. – Родная мать тогда не узнает.

– Можно попить чего-нибудь другого? – попросил мужчина.

– Водку учись пить, интеллигент вшивый, – усмехнулся Вова и вышел за дверь.

Мужчина услышал шум отъезжающего мотоцикла. Он опёрся спиной на жёсткие прутья и вытянул ноги, но это получилось только наполовину. В его голове поплыл туман вместе с разливающимся теплом по телу. Мужчина протянул руку и сделал небольшой глоток из бутылки, откусил яблоко, затем ещё и ещё.

Просидев так некоторое время, он приговорил бутылку, а с горькой жидкостью ушла и безнадёжная тревога.

Проснулся мужчина от шума подъехавшей машины и громких голосов, приближающихся к дому. Дверь открылась, и на пороге появились трое полицейских.

– Нихрена, это чё он у тебя под стражей водку халкает? Совсем расслабился, да? – сказал старшина.

Другой полицейский, просунул между прутьев резиновую дубинку и, улыбаясь, ударил мужчину по полусогнутым ногам.

– Ты кто таков, Иван Петров? – спросил он, чем вызвал смех и одобрение двух других.

Мужчина замотал головой и сказал.

– Я пить хочу, дайте мне воды, пожалуйста.

– Водку меньше жрать надо, и людей – по выходным тревожить, – старшина пригнулся, присматриваясь к мужчине. – Ты откуда, на нашу голову свалился?

Мужчина опять замотал головой.

– Не знаю.

– Понятно, короче, – произнёс старшина и развернулся к остальным. – А у него при себе вообще ничего не было?

Вова замотал головой, сотрясая жировые складки на шее.

– Гол как сокол. Ни документов, ни денег. Нихрена, короче у него с собой не было, как бабка сказала. Да ты посмотри на него, он месяц, наверно, в канаве какой-нибудь валялся, – Вова заметно покраснел. – А-а! У него визитка какого-то похоронного агентства с собой была, – он подбежал к столу и достал из ящика чёрную визитку с позолоченной надписью.

Старшина повертел её в руках и спросил.

– Ты звонил?

– Нет, – ответил Вова.

– А чё так?! – усмехнувшись, спросил старшина. – Вова, почему ты на нас всю работу сваливаешь? – он кинул визитку.

Она упала вначале на стол рядом с телефоном, а затем слетела на пол.

– Звони, – скомандовал старшина.

Вова поднял её и стал набирать номер.

– Да, – ответил старческий голос с хрипотой.

– Алё, это ритуальное агентство? – по лицу Вовы побежал пот. – У нас тут мужчина, который не может ни имя своё вспомнить... вообще ничего не помнит, только вот ваша визитка у него...

– Да, это ритуальное агентство. Но вам ещё к нам рано, Владимир Сергеевич, хе-хе.

Красное лицо Вовы стало бледнеть.

– А-а-а...

– Молчи жук, если хочешь продолжать жить и копошиться в своём навозе. Деньги можешь оставить себе, а визитку верни ему, понял?

– Да-а.

После последней фразы сразу пошли гудки. Вова положил трубку и застыл.

– Ну и? – спросил старшина. – Вова?

– Это. Там нет уже агентства. Его вообще уже нет.

– Ладно, мы его забираем. А на будущее, Вова, постарайся, чтобы в выходные мы с похмелья не подрывались в твою дыру. Можешь хоть водкой их поить, хоть заставлять огороды копать, но держи до понедельника, лады.

Двое суток мужчина провёл в районном отделении милиции, где его периодически вызывали к разным людям в кабинеты, задавали вопросы, на которые он и сам бы хотел получить ответы, мазали руки чёрной краской, фотографировали и заставляли сидеть в грязной зловонной камере с уголовниками.

На третьи сутки его посадили в машину и привезли в районную психиатрическую больницу. Здесь ещё в течение месяца ему приходилось общаться с докторами и странными соседями, пока не решился вопрос о его переводе в Государственный научный центр имени Сербского.

Глава 3. Сон

В палате с зарешёченными окнами и тусклым освещением, помимо мужчины, находилось ещё трое пациентов. Они без движений лежали на кроватях с провисающими сетками. Больные походили друг на друга не только пижамами, но и своей молчаливостью, чем сильно отличались от соседей по этажу сверху. Тишину в палате изредка нарушал шум переворачивающихся страниц книги, которую читал мужчина, и звук вставляемого в дверь ключа. Но на этот звук вся палата оживала.

На этот раз палату разбудили два санитара. Оба они обладали басом сибирской крови и такими же телами.

– Эй «потеряшка» вставай, да не ты, а тот у окна. Пойдем со мной, Иванова ждёт.

– А со мной ты, седовласый, на сеанс гипноза пора, – сказал другой санитар.

Постучав в дверь, санитар завёл мужчину в кабинет.

– Тамара Сергеевна, вот последнего привёл, как просили.

– Угу, спасибо, Семён, я позвоню, можешь идти, – улыбнувшись, сказала Иванова. –

Прошу, вас присаживайтесь.

Мужчина прошёл и сел в кресло напротив врача. Он любил бывать в этом светлом пахнущем свежестью кабинете. Но в этот раз к аромату был добавлен резкий запах одеколона мужчины, сидевшего сбоку. Они встретились глазами, как только мужчину ввели в кабинет, и сейчас, он чувствовал и ощущал боковым зрением, что тот пристально его изучает.

– Вы не против, если сегодня при нашей беседе, будет присутствовать мой коллега? – спросила Иванова.

– Коллега?! – переспросил мужчина.

– Да коллега, – в глазах у Ивановой мелькнула искра. – Денис Петрович Цыбин, он из нашего же центра. Но если вы против то..., – женщина повернулась к Цыбину.

– Да нет, нет, Тамара Сергеевна. Я не против. Просто у меня возникло ощущение, что мы с вами... тоже коллеги, – покачал головой мужчина. – Но больше...

– Хм это интересно! А слова – ортопедия, гинекология, педиатрия – ничего не говорят?

– К сожалению...

– Ну ладно. К этому разговору мы ещё с вами возвратимся. А сейчас давайте вспомним тему, на которой мы с вами остановились в прошлый раз. Вы выбрали себе имя? – женщина поправила очки в старомодной оправе.

– Да. Из того списка, что вы дали, мне вначале понравилось Лев, а сегодня утром, я передумал и хотел бы, чтобы меня называли Антоном, – на лице мужчины появилась застенчивая улыбка. – И ещё я бы хотел, чтобы меня называли по отчеству – Львович.

– Да! – произнесла Иванова. – Вы делаете успехи. А фамилию ещё не подобрали?

– Нет пока.

– Хорошо. Вы работаете с тестами «Кто я»? – спросила Иванова и, получив утвердительный кивок, продолжила. – Ну, а какие-то новые ощущения эмоции у вас возникли? Может вам удалось что-то вспомнить?

– Вы знаете, – мужчина замялся и замотал головой из стороны в сторону. – Нет, я ничего не вспомнил, но сегодня ночью я видел странный сон, который сейчас меня, до сих пор, очень волнует! – обернувшись, мужчина посмотрел на Цыбина и продолжил. – Мне как-то неловко его рассказывать, – он опустил голову и стал тереть между пальцев бахрому накидки дивана. – Но я понимаю, что должен его рассказать, чтобы вы разобрались и помогли мне, – он на мгновение поднял взгляд и посмотрел на Иванову и Цыбина. – Это довольно странный сон, – мужчина закрыл глаза. – Я был в летнем благоухающем парке и читал интересную книгу. Этот парк был знаком мне раньше, я это чувствовал, – он опять на миг открыл глаза, продол-

жая перебирать бахрому накидки. – Я сидел на скамейке, наслаждаясь тёплым нежно-ласкающим ветерком, который колыхал страницы книги и испытывал какое-то человеческое счастье. Полноценность. Я упивался им в эти минуты! – мужчина снова открыл глаза и поднял взгляд на Иванову, но тут, же опустил его. – Услышав звук детского голоса, я оторвался от книги и увидел на соседней лавке, напротив, играющего погремушкой маленького мальчика – шести месяцев. Он гулил, смеялся, глядя на меня, отчего я вкусил ещё больший прилив нежности и счастья, – мужчина остановился. – Но вдруг с невероятной скоростью краски вокруг сменились! Всё моментально покрылось серостью, и подул сильнейший ветер, вырвав мою книгу из рук. Я нагнулся, чтобы поднять её и тут же почувствовал чьё-то приближение за моей спиной. А когда я вернулся в прежнее положение, то увидел, что с лицом ребёнка стал происходить какой-то ужас, – вспотевшие руки мужчины стали издавать скрипящий звук, перебирая бахрому. – Глаза на его окаменевшем лице испуганно смотрели за мою спину, а ветер... ветер, казалось, вырывает его жиденькие волосы с корнем. Малыш пытался кричать, но не мог, так же, как я не мог обернуться и посмотреть, что происходит за моей спиной. Я словно окаменел и мог видеть только мальчика, сидящего передо мной. В какой-то момент его глаза вдруг принялись стареть увеличиваться, вылезая из орбит, и наполняться кровью. Нос, раскрытый рот и щёки оставались такими же младенческими, но параорбитальная область стала как у старика. Глазные яблоки всё больше увеличивались и уже напоминали крашенные пасхальные яйца. В тот момент, мне кажется, я даже не дышал. А потом его глаза... они... они лопнули и забрызгали меня, – мужчину передёрнуло, и он издал странный звук.

В кабинете нависла тишина, которую нарушил голос Цыбина.

– Скажите, Антон Львович, а что такое параорбитальная область?

Тамара Сергеева сжала губы и с укором посмотрела на Цыбина.

– Это часть лица вокруг глаз. Я почему-то думал, что каждый медик это знает, – ответил мужчина.

– Да, да вы правы, – вмешалась Иванова. – Довольно странный сон. А как вы думаете, что видел этот мальчик? Чего или кого он так испугался? У вас не возникает никаких мыслей?

– Не знаю. И даже боюсь, почему-то об этом думать, но я чувствовал странную связь с этим, чего он боялся, – мужчина склонил голову, но было видно, как его глаза бегают из стороны в сторону. – Это как-то связано со мной, оно как – будто исходило – из меня. Изнутри! – Антон вывернул руки, как будто вытащил что-то из себя. – Сейчас меня, переполняет чувство вины. Как будто я мог, что-то сделать, как-то помочь мальчику, но не сделал. А утром! Утром! Я был абсолютно равнодушен. Мне казалось, что моё лицо до сих пор в крови, но... – мужчина кинул беглый взгляд на Иванову. – Мне не хотелось её стирать.

В этот раз паузу нарушила Тамара Сергеевна.

– Да, в самом деле, очень странный сон! – произнесла Иванова. – На сегодня мы, пожалуй, закончим, – она встала и взяла со стола книги. – Вот возьмите, это классика, если вы их даже уже и читали, она не наскучит, – она улыбнулась. – Я благодарна вам за откровенность и обещаю помочь разобраться в вашем кошмаре.

– Спасибо, – ответил мужчина. – Я очень надеюсь на вашу помощь Тамара Сергеевна.

Иванова вызвала санитару, и тот вывел мужчину из кабинета. Как только дверь закрылась, она поднялась из кресла и направилась в сторону рабочего стола, обогнув Цыбина. Иванова села в привычное кресло и выключила спрятанный под папкой с историями болезней диктофон.

– Ну, ты, Денис, даёшь. Я тебе разрешила с условием, что ты будешь молчать, а ты «что такое параорбитальная область»? Да ты должен быть в курсе что это. Это обязан знать студент первого курса? А при твоёй профессии... пора бы знать такие вещи.

– Тома, ну прости, – Цыбин поднял руки, сложив их на груди. – Просто слушая его, я не совсем представлял, где это. Да и потом, попросту не нужно было лгать ему.

– Не нужно было лгать?! – глаза Ивановой округлились, и она привстала. – Да ты знаешь, что это мой самый особенный пациент. Ты видишь, что он образован. Ты слышал, как он рассказывает? Да он один, из всех с таким же диагнозом, читает и так, не таясь, разговаривает со мной, – она сняла очки и смахнула слёзы рукой. – Один из всех кто был с этим диагнозом. Ты видишь, я его прячу? – она ткнула пальцем на лежащий в раскрытой папке диктофон. – Это он меня попросил, чтобы я его не использовала при наших разговорах, а скажи я всю правду? Я не знаю, как бы он себя повёл, – Иванова упала на стол и расплакалась.

Цыбин соскочил.

– Ну, Тома, ну прости. Я не думал, что он так много значит для тебя. Он просто увлек меня своим рассказом, вот и всё. А единственного чего я не до конца представил – было это дурацкое слово, вот я и не сдержался. Ну, прости меня, пожалуйста, солнышко, – он вытащил белоснежный носовой платок из кармана пиджака. – Расскажи мне лучше про эту патологию. Что это новая эпидемия? Диверсия запада? Вирус? Что это? – Цыбин развёл руками и постарался изобразить улыбку.

Иванова подняла голову, и ещё всхлипывая начала вытирать слезы платком протянутым Цыбиным.

– Да нет! Это даже не новая болезнь. Вернее, она нова для нашей страны и возникла только в середине 90-х, – изредка всхлипывая начала Иванова. – В Америке эта патология проявила себя в 30-е в «Великую депрессию». Ой, извини! – она заметила следы от туши на белоснежной поверхности платка.

– Ничего, ничего, Тома, продолжай, – махнул рукой Цыбин.

– Так вот, к нам в центр стали поступать странные пациенты со всех концов нашей необъятной Родины. У них не было ни травм головы, ни отягощенного наследственностью анамнеза. Но они абсолютно не помнили о том, откуда они, где их родные, кем они работали, вообще, практически всё, что с ними происходило раньше. Это называется автобиографической амнезией. Тебе на будущее, – Иванова сделала ударение на последнем слове, успокоившись полностью. – Похожие пациенты бывали и раньше, но никто не обращал на них внимания, потому, что эти случаи были единичны и их считали казуистикой. А в 90-е наши «светила» засуетились. Никто из них никогда не сталкивался с этой патологией в таком объёме. Я тогда проходила ординатуру и меня очень заинтересовала эта тема. Так вот, за «круглым столом» светила науки выдвигали самые невероятные гипотезы. От зомбирования людей с помощью новейших психотропных препаратов спецслужбами для выполнения особых заданий до самых фантастических версий – похищения граждан инопланетянами и проведения над ними экспериментов. Уже много позже нам удалось обнаружить Американский след этой патологии и пролить свет на причину заболевания.

– Но ты сказала практически, значит, они не всё забывают? – перебил Цыбин.

– Да, знаешь, были случаи, когда человек мог вспомнить, как водить машину, хотя ранее утверждал, будто не знает, что обозначает само слово – машина, пока не увидел. То же самое было с другим пациентом, пока он не зашёл в мой кабинет и не узнал компьютер. Так же был один музыкант, которого я подвела к роялю, и он тут же сыграл мелодию, хотя полностью позабыл нотную грамоту. Когда мы показали доктору экономических наук из Казани написанную им несколько лет назад диссертацию, он не признал ее. Но прекрасно понимал, о чем в ней идет речь. Так же и все привычки возвращаются автоматически. Если человек курил, то, не задумываясь, хватается за сигарету. Но эти случаи единичны. Большинство из них не могут вспомнить ничего, они просто замыкаются в себе, теряют себя всецело, – Иванова сделала паузу. – Теперь ты понимаешь, почему мне так дорог Антон.

– Подожди – подожди, так они безнадежны? – произнёс Цыбин, заметив как Иванова опять начала киснуть.

– Не все, – промокнув глаза платком, продолжила Иванова. – У них ведь нет никаких повреждений психики, но единственной возможностью вернуть их к прошлой жизни являются родственники. Только по их рассказам, по фотографиям можно восстановить память таких больных, но и этот процесс занимает годы. А у кого нет родственников, если их не находят, они просто начинают жизнь с чистого листа и живут без прошлого, всё с начала, – её голос опять дрогнул.

– Слушай, а если нет травм – отчего это происходит? Я не совсем понял про Америку?! Мы, что пить меньше начали? – улыбнулся Цыбин.

– Да нет же! Просто схожи экономические ситуации в странах, – проговорила Иванова. – Вспомни начало девяностых, когда «зомбированным» людям дали свободу. Гласность, демократия. Помнишь, сколько изменений происходило в нашей жизни каждый день. Люди, стали видеть олигархов по телевизору покупающих самолёты, а сами поехали дома гуманитарную помощь. Кто-то покупал заводы, а кто-то не знал в чём завтра пойти на работу. Возник жуткий контраст. Многие стали понимать, что это время «взлёта», но пока трап не убрали нужно успевать. И пытаясь сколотить начальный капитал, такие люди, – Иванова приподняла папку с историями болезней. – Стали отказывать себе в простых жизненных удовольствиях: ни детей в кино сводить, ни жене – цветы, а только успеть с одной работы на другую. А, находясь в таком ритме, в постоянном напряжении, человек начинает задумываться о смерти. Он теряет смысл жизни, потому что материальные блага не являются смыслом. Со временем человек перестаёт понимать для чего это всё!?! К чему он так стремился!?! А мысли о самоубийстве, кажутся ему верным и единственным выходом из создавшейся ситуации, выходом из принуждённой суеты. Это далеко не то же самое, что, допустим, мысли алкоголика или малолетнего отвергнутого Ромео, нет – в этих случаях человек пытается покончить с собой сгоряча. А «потеряшки» – мы их так и называем между собой, они просто теряют интерес к жизни, поэтому мы их называем ещё и «холодными суицидниками».

– А что происходит дальше?

– Так вот, до какого – то момента жизни мозг только ищет выход. В нём происходит борьба желаний и возможностей. Но когда человек решается воспользоваться «выходом», – глаза Ивановой зажглись, и она приставила два пальца к виску. – Представляешь! В последние секунды, он, вдруг, бросает пистолет или вылезает из петли. Бежит из дома, садится на поезд или самолёт и уезжает, куда глаза глядят, – сквозь линзы очков Ивановой светились искры. – На вокзалах их обычно и находят в полном отчаянье.

На лбу Цыбина выступил пот. Он протянул руку и взял свой платок.

– Ну а что, что происходит с их мозгом, ну когда он хочет застрелиться или залезть в петлю? – спросил Цыбин, вытирая пот со лба.

– В этом-то собака и зарыта. Денис. Вот ты живёшь и думаешь, что ты захотел, скажем, поесть или погулять сегодня вечером, что ты контролируешь свой организм. Что ты хозяин, – Иванова посмотрела на Цыбина и он утвердительно кивнул. – А на самом деле, Денис, это только мелкие шалости дозволенные тебе. Понимаешь, в твоей голове есть субстанция, которая властна не только над твоим телом, но и мозгом. На самом деле она всем управляет! Усваиваешь? – Цыбин вновь кивнул, и Иванова продолжила. – Так вот когда этот центр анализирует, что твоя и соответственно его смерть неизбежна. Он просто стирает твою память, твою личность, твоё прошлое – спасая тебя. В лобной доле, где находится центр личности, появляется пустой экран, чистый лист. Человек забывает, где был, кем был и конечно он забывает, что хотел убить себя и, соответственно, продолжает жить.

Цыбин сглотнул комок в горле, издав громкий звук. Иванова налила в стакан минеральной воды и протянула Денису. Он кивнул и спросил.

– Но подожди, а как, же они тогда потом вспоминают, ну с помощью родственников, если память стёрта? – Денис отпил из стакана.

– Конечно, мы пока не знаем весь патогенез этого нарушения. Хотя нарушение ли это – тоже вопрос. Память ведь вообще очень сложная штука. Знаешь, это происходит примерно так же как с компьютером, когда идёт процесс реформатирования жёсткого диска, но здесь конечно всё сложнее и информация является – личностью человека. Старые файлы при этом, как и в компьютере, никуда не исчезают, они становятся просто неактивными. Ты понимаешь? – Цыбин кивнул и поставил стакан на стол. – Если всё благополучно складывается, то есть находятся родственники, они постепенно активируют эти, так сказать, файлы памяти. Они восстанавливаются, и к человеку возвращается его прошлое.

– А они, ну «потеряшки», после этого – ну не хотят покончить с жизнью? Они же это тоже когда-то вспоминают, наверно, потом? – спросил Цыбин.

Иванова улыбнулась.

– Денис, а помнишь три года назад, когда ты не был ещё женат, мы с тобой ходили в кинотеатр, и нас обрызгала тогда иномарка? Ты знал её хозяина и обещал, расписать его в газете за всё, ты даже убить его готов был в те минуты, помнишь? – Денис кивнул. – Время идёт. И человек, конечно же, забывает о своём желании. Он остывает, но если опять, же сравнивать с компьютером – система переустановлена с деактивацией файлов.

Иванова поправила очки и улыбнулась. Она протянула руку и коснулась импозантной бородки Цыбина снизу вверх, закрыв ему рот.

– Слушай, офигеть. И это произошло с этим мужчиной? Антоном?! – спросил Цыбин.

– Знаешь, если честно полной уверенности у меня пока нет. У него схожая симптоматика, но клинически, он не совсем вписывается в эту патологию. Он какой-то особенный, – Иванова улыбнулась, глядя в растерянные глаза Цыбина. – Ну, то есть, сказать с уверенностью, что это именно это нарушение я не могу, но автобиографическая память у Антона отсутствует.

– А его странный сон. Что значит его сон?

– Денис, я не гадалка, и его сновидение нуждается в серьёзном анализе. Но восстановление памяти происходит, так сказать, по острым моментам в жизни. То есть в первую очередь восстанавливаются неприятные эпизоды личности, в которые ему было плохо, из-за этого они так и вгрызаются в наше сознание. Через меня прошло много пациентов и практически все сначала вспоминали самое плохое из прошлого. А в случае с Антоном, я вижу положительную динамику, то есть, значит, его память стала просыпаться. Хотя прошло не так и много времени.

– Тома. А почему ты раньше мне об этом не рассказывала, ну о своей работе? – спросил Цыбин.

– Денис. А вспомни, когда мы виделись с тобой в последний раз? У тебя жена, ребёнок. Да ты и не спрашивал никогда, чем я занимаюсь.

Глава 4. Одиночество

Вернувшись в палату, Антон попытался читать, но невыносимое чувство вины и стыда за свои эмоции и мысли брало верх над всем остальным. Перед глазами он отчётливо видел взрывающиеся кровью глаза мальчика и свою отвратительную улыбку в этот момент.

«Почему мне было, даже приятно, видеть это? Почему он не мог кричать? Почему-почему я испытывал наслаждение? Почему, чёрт побери, вся моя жизнь сейчас это этот вопрос, почему? Почему я не помню ничего из своего прошлого? Почему я не помню, есть ли у меня родственники? Почему я нихрена не помню?!» – мужчина уткнулся головой в подушку и зарыдал.

«О нет, что со мной творится? Надо взять себя в руки, Тамара Сергеевна мне поможет. Она хороший доктор, она уже лечила таких пациентов. Но как, же я уже устал..., только бы нашлись родственники, если они вообще у меня есть. Что со мной? А может попроситься опять к ней, к Тамаре Сергеевне? Она успокоит меня. Она умеет меня успокаивать, – мужчина вафельным полотенцем вытер слёзы. – Нет, я должен взять себя в руки».

Антон вспомнил о таблетках, которые раньше мешали ему читать. Их выдавали по три раза в день, но мужчина складывал таблетки в половинку мыльницы и прятал в тумбочку.

Открыв ящик, Антон достал четыре таблетки и, положив их в рот, побежал к умывальнику.

Через полчаса его мысли занимали личности соседей по палате. Они могли часами лежать с открытыми глазами, в которых читалась одна безнадёжность и пустота.

«Боже как жалко этих существ, которые только и ждут, когда кто-то вернёт их себе. Это уже не люди, это растения. Хм, но ведь даже растение, наверно, помнит своё прошлое. Ничто не может существовать без прошлого, а они и я пытаемся, ха-ха».

Никто из соседей по палате не общался между собой, и это очень угнетало Антона. Его соседи целыми днями лежали в койках, вылезая из них только для поглощения пищи и изредка в туалет.

По началу, когда Антона только привезли, его радовала их замкнутость, потому что он устал от соседей в районной психушке. Там не было чётких разграничений больных, поэтому в большой палате на десять человек Антону довелось пребывать и с убийцами и с насильниками.

В одну из ночей он проснулся оттого, что кто-то стал стягивать с него штаны. Он поднял голову и увидел соседа, который только сегодня прибыл для судебно-медицинского освидетельствования из СИЗО.

Это был огромный мужик с наколками по всему телу. Он плохо разговаривал ввиду редких зубов. Одним своим видом он приструнил всех «безбашенных» доселе активистов в палате и занял койку одного из них у окна. Когда этот мужик стал рыться в тумбочках и нашёл колбасу, он протянул её Антону и сказал.

– Жжуй мне кабашу.

Антон не понял его слов, приняв их за предложение поесть, и отрицательно закачал головой. Брови мужика встали домиком, а безумные глаза налились кровью. Но он оставил Антона в покое, заставив пережёвывать для себя колбасу другого пациента.

И вот этот мужик стянул с него штаны. Антон не мог вырваться, он только сейчас понял, что его руки привязаны простынёй к кровати, а вес здоровяка вдавил его тело в панцирную сетку. Антон стал кричать.

– Помогите! Тварь слезь с меня! Кто-нибудь помогите. Сергей, Андрей – помогите.

Но в палате и в коридоре признаки жизни отсутствовали. Когда Антон ощутил боль, он стал кричать ещё громче.

– Убивают, убивают!

– Што шука, больно шуке, ха-ха, – произнёс здоровяк. – Петушшара, ха-ха.

Послышался звук вставляемого ключа и через мгновение мужик стонал на полу под телами двух санитаров.

Когда Антону развязали руки, он уже не мог без презрения смотреть и разговаривать с тут же проснувшимися соседями. Всю оставшуюся неделю, что он провёл после этого в районной психушке, он больше ни с кем не общался.

Вот поэтому, Антон радовался молчанию и неподвижности своих новых соседей. От них не исходило никакой угрозы. Но сейчас одиночество стало его угнетать. Он общался лишь с книгами и с буфетчицей Таней. И каждый день с нетерпением ждал встречи с Тamarой Сергеевной.

Антон лежал с закрытыми глазами, ощущая на себе действие таблеток. Они вызвали в нем безразличие ко всему окружающему.

«Моим соседям намного тяжелее меня. Они как растения. А может всё не так. Вдруг и я тоже, скоро стану таким?»

Антон уснул. Он увидел улыбающуюся Тamarу Сергеевну. Она кружилась и смеялась в подвенечном платье среди опадающих лепестков яблонь...

Глава 5. Иванова

Тамара Сергеевна Иванова жила одна в квартире доставшейся ей от бабушки. Прошло уже двенадцать лет как восемнадцатилетняя пермячка с красным дипломом, приехала в Москву поступать в медицинский институт. Тамара была единственной внучкой и бабушка, мать отца, безумно любила эту скромную немножко нелепую провинциальную девочку. Тем более что сам отец умер, когда Томе было четыре года.

Об отце у неё сохранились лишь неприятные, но незабываемые воспоминания. Он оставил в судьбе Тамары след на всю жизнь в прямом и переносном смысле. Отец всегда был пьян и бил её и маму.

Последний раз Тома его видела восьмого марта. В день, когда ей исполнилось четыре года. Они с мамой ждали его с работы, потому что он должен был принести им подарки. Тома сидела в нарядном платье в кресле и, в перерывах игры в «пятнашки», помогала маме. Она протягивала ей постиранные вещи, а мама их гладила.

Отец пришёл домой поздно. От взгляда безумных глаз Томе стало страшно.

С самого порога отец стал извергать пьяную ругань, а затем схватил маму за волосы и поволок по коридору в комнату.

– Тома беги на кухню! – кричала мама сквозь слёзы.

Обычно она так и поступала, потому, что ей тоже доставалось. Но в этот раз она разревелась и, подбежав к отцу, стала дёргать его за штанину.

– Папа, папа, не бей мамочку, пожалуйста. Папа, маме больно. Отпусти её.

Отец со всей силы дёрнул ногой, отшвырнув дочь как котёнка. Тома отлетела, ударившись и уронив гладильную доску вместе с утюгом на пол.

Прошло уже много лет, но Тамара не может забыть ту обиду и бессилие, что завладели маленькой девочкой при виде матери в крови, закатывающей глаза. Отец продолжал бить ее, держа за волосы и ударяя головой об шкаф. Девочка вспомнила, как она проучила Гошу в садике дёргать её за косички и за банты, которые каждое утро заплетала мама. Тома подбежала и впиалась зубами в ногу отца.

– Ах ты, сучка мелкая, – отец схватил её за шею и отбросил.

Очнулась Тома только в реанимации. Десять дней врачи не могли ответить на вопрос матери, будет ли девочка жить. Кроме кровоизлияния в мозг у Тома был глубокий термический ожог лица и шеи от утюга, на который она упала.

Пока она находилась в больнице между жизнью и смертью, её отец застрелился из охотничьего ружья в подвале их дома.

С тех пор Тома вспоминает о нем постоянно, когда смотрится в зеркало. Она с детства носила длинные волосы и уже не могла мечтать о другой причёске, чтобы никто не замечал того места, где раньше находилась ушная раковина. У Тамары Сергеевны здесь был небольшой деформированный выступ, за который она цепляла дужку очков, а площадь вокруг стягивал келоидный послеожоговый рубец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.